

Исторический опыт освоения ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Выпуск
четвертый

ЭТНИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ

¹¹ Там же: Л. 31.

¹² Там же. Л. 32.

¹³ Китайский (корейский) способ посева // Школа и труд. Год третий. Б.м., б.г. С. 257.

¹⁴ Риттих А.А. Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае. СПб., 1899. С. 32.

¹⁵ Крюков Н.А. Опыт описания землепользования у крестьян-переселенцев Амурской и Приморской областей. М., 1896. С. 47.

¹⁶ Ким Сын Хва. Положение корейских крестьян на русском Дальнем Востоке в начале XX века // Известия АН Казахской ССР. Сер. истории, археологии и этнографии. Алма-Ата, 1959. Вып. 1 (9). С. 69.

¹⁷ Крюков Н.А. Опыт... С. 32.

¹⁸ Крылов Л. Пути рационализации сельского хозяйства ДВО // Экономическая жизнь Дальнего Востока. Хабаровск. 1925. № 6. С. 70-71.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КИТАЙСКИХ ТОРГОВЫХ ОБЩЕСТВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX в.

Е.И. Нестерова, Владивосток

Работа выполнена при поддержке Министерства образования РФ

С назначением в 1893 г. на должность приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского отношение высшей местной администрации к национальным обществам, существовавшим в крае, начало меняться. Духовской считал, что “в виду принимаемых в последнее время мер по усилению русского населения в крае и... с развитием местной жизни в крае сама собою приближается возможность подчинить проживающих у нас китайцев и корейцев общему полицейскому надзору и общим законам об иностранцах”. В связи с этим администрацией был взят курс на закрытие китайских и корейских общественных управлений, разрешенных А.Н. Корфом в 1891 г. [1, д. 58, л. 74об].

1 января 1898 г. было официально закрыто хабаровское китайское общественное управление, 1 июля 1898 г. — владивостокское, а в 1901 г. — никольск-уссурийское. Однако официальное закрытие этих обществ не означало уничтожения самоуправления в китайских общинах, скорее речь шла об отказе русской власти видеть в них субъекты права.

Тем не менее коммуникационный канал, связывавший русскую администрацию и китайское население, был необходим. В связи с этим Духовской предложил губернатору Приморской области организовать во Владивостоке благотворительное общество среди китайцев и корейцев [1, д. 58, л. 146об].

В октябре 1898 г. в канцелярию военного губернатора Приморской области поступили проекты уставов владивостокского китайского благотворительного общества, подготовленные городским полицмейстером и китайским коммерческим агентом Ли Тьяо. Оба проекта целью

создания общества называли “улучшение материального и нравственного состояния”, но в первом случае речь шла о “бедных китайцах и корейцах, проживавших во Владивостоке, без различия пола, возраста, звания, состояния, вероисповедания”, во втором — только о китайцах [2, д. 190, л. 12, 73]. Согласно русскому проекту благотворительное общество должно было содержаться за счет членских взносов, частных пожертвований, завещаний, доходов от организации литературных чтений, лекций, концертов, а также на деньги, оставшиеся от ликвидированных китайских и корейских общественных управлений во Владивостоке. С разрешения органов власти и при точном соблюдении законов общество могло открывать амбулатории, столовые, чайные, общежития и т.п. заведения, сдавать дешевые дома, квартиры (п. 3).

Во главе общества предполагалось поставить правление, избираемое на 3 года, “при условии избрания китайцев и корейцев пропорционально числу членов обеих народностей, входящих в состав общества” [1, д. 190, л. 15]. Ежегодно общество должно было представлять отчеты военному губернатору области, генерал-губернатору, министру внутренних дел.

Проект Ли Тьяо во многом совпадал с русским вариантом, но он считал нужным включить пункты, связанные с организацией обучения китайских детей русскому и китайскому языкам, отправкой останков умерших на родину, оказанием помощи при стихийных бедствиях в крае. Существенным отличием этого проекта было то, что членами общества автоматически становились все китайцы: “Общество составляется из всех китайских подданных, живущих во Владивостоке или прибывающих в край на срок более месяца” [1, д. 190, л. 73об].

Как и в русском варианте устава, члены общества подразделялись на действительных, почетных членов и членов-соревнователей, также выбирался комитет, однако в его состав могли входить лишь представители торговых фирм, имевшие недвижимость. Председателем комитета автоматически становился китайский коммерческий агент. Ежегодные отчеты общества предполагалось публиковать в газетах, представлять приамурскому генерал-губернатору и в Цзун-ли-ямьнь. Таким образом, согласно проекту Ли Тьяо, ключевую позицию в обществе должен был занять китайский чиновник, официальное лицо, получавшее право контроля за китайцами, прибывавшими как во Владивосток, так и в Приамурский край. Рассмотревший в 1899 г. проекты обоих уставов военный губернатор Приморской области Н.М. Чичагов нашел образование корейско-китайских благотворительных обществ нецелесообразным.

Одновременно продолжалось лоббирование легализации китайских торговых обществ, возникших в крае в начале 80-х гг. По сведениям Ф.В. Соловьева, китайское торговое общество во Владивостоке было основано в 1881 г., в Хабаровске — в 1889 г., в Никольск-Уссурийске — в 1908 г. [2, с. 77].

Первое китайское торговое общество (“Владивостокское китайское общество взаимного вспомоществования”) в Приамурье было разрешено военным губернатором Приморской области В.Е. Флугом 18 апреля 1907 г. Устав общества был утвержден на основании временных

правил об обществах и союзах (с 4 марта 1906 г.). Правомерность решения В.Е. Флуга была подтверждена министром внутренних дел. В п. 1 устава было записано: “Владивостокское китайское общество взаимного вспомоществования имеет целью развитие более тесного взаимного единения между членами общества, способствующего улучшению их быта в материальном и духовном отношениях” [1, д. 304, л. 70].

Общество создавалось для изучения и развития торговли и торговых наук (п. 6), составления и перевода на русский язык свода китайских торговых обычаев, выдачи по требованию русской администрации справок о кредитоспособности, размере торговых оборотов и других сведений, касавшихся членов общества, поддержки общих выгод и выработки цеховых уставов (п. 4), найма “сыщиков” и городских в целях обеспечения мирной торговли в крепости Владивосток (п. 3). Кроме того, была поставлена цель оказывать помощь соотечественникам (п. 5) — снабжать их пищей, временным приютом, бедных и больных — медицинскими пособиями, содействовать в трудоустройстве и в возвращении на родину.

Итак, включенные в устав цели позволяли обществу считаться благотворительным. Разделы о составе общества, его комитете, вопросах, находившихся в их ведении, составлены по канве правил, выработанных министерством торговли и промышленности Китая и утвержденных императором 29.12.03. Согласно этим правилам общества разделялись на главные торговые общества (Шан-у-цзун-хуй), создававшиеся в главных провинциальных городах, важнейших торговых центрах Китая и за границей, и отделения торговых обществ (Шан-у-фын-хуй), создававшиеся в менее значительных пунктах. Как первые, так и вторые были подчинены ведению китайского министерства земледелия, промышленности и торговли, санкционировавшего открытие каждого нового отделения.

Главные общества имели утвержденную правительством Китая печать. Владивостокское общество согласно уставу (п. 10) имело две печати — русскую с надписью “Владивостокское китайское общество взаимного вспомоществования” и китайскую с надписью “Владивостокское главное торговое общество” (“Хай-шень-вей хуа-шан цзун-хуй”).

Членом общества мог стать любой китайский подданный во Владивостоке (п. 12). Все члены общества подразделялись на учредителей, почетных и действительных членов. Но на членство в обществе вводились ограничения: в него не принимали несовершеннолетних, злостных банкротов, должников, лиц, не пользовавшихся уважением, хунхузов и ряд других категорий (п. 15). Исполнительным органом общества являлся комитет, во главе которого стоял председатель (п. 30) и куда избирались уважаемые обществом китайцы, имевшие торговое дело или недвижимость, в возрасте старше 25 лет (п. 32). Особо оговаривалось, что председатель должен владеть китайским и русским литературными языками, его возрастной ценз повышался до 30 лет. Постановления, принятые комитетом, предполагалось вывешивать для обозрения в зале заседаний, а особенно важные решения — публиковать в газетах. В связи с отсутствием во Владивостоке китайской газеты публикации размеща-

лись в харбинской “Юаньдун бао” либо в наиболее распространенных в Приамурье шанхайских и чифуских газетах.

Итак, благотворительность была вывеской, благодаря которой становилась возможна регистрация общества. В действительности общество было одним из звеньев огромной цепи официальных учреждений, опоясывавшей не только весь Китай, но и заграничные колонии китайских подданных. По сведениям цензора по иностранной печати на восточных языках во Владивостоке А.Н. Занковского, подобные общества существовали “в каждом городе и селе края”, причем либо типа “главных”, либо типа “отделов”, которые делились на большие (да-хуй) — в Шкотово, Владимиро-Александровском, Ольге — и на меньшие (сяо-хуй) — в Зиньковке, Петровке и др. [3, д. 759, л. 44].

Небезынтересно, что палаты, открывавшиеся на территории Приамурья, имели одинаковый правовой статус с существовавшими в Китайской империи. Поэтому для китайцев подобные торговые общества являлись учреждениями не только торговыми, но и административными. А. Занковский в письме к Н.Л. Гондатти от 3 июля 1911 г. отмечал: “разделение административной и судебной власти в Китае — это проект сверху, а экономическая зависимость для масс поспорит с административной по силе своего жизненного влияния, поэтому китайские коммерсанты всегда так усиленно хлопочут о разрешении учреждений и в местном крае данного Общества” [1, д. 190, л. 56]. В этом он видел одну из причин того, что местное китайское общество согласно было вписать в свой устав пункты, обязывающие общество предоставлять русской администрации денежные средства для полицейских нужд.

Для координации деятельности таких обществ в Китае существовал орган, объединявший все местные торговые общества и известный под названием “Соединенного Общества” (Лянь-хо-хуй), куда периодически командировались депутаты от региональных “Главных торговых обществ” [1, д. 190, л. 53-54]. Именно оттуда высылались расценки на скупаемые в крае женьшень, панты, меха, морскую капусту, трепангов, крабов и другие продукты промысла [2, с. 76].

Благодаря сохранившимся архивным документам, касающимся истории хабаровского торгового общества, можно проследить процесс трансформации правовых форм китайских общин в населенных пунктах Приамурья, характеризовавшийся длительным “латентным” периодом — от возникновения этих обществ до официальной регистрации их русскими властями.

Китайское торговое общество в Хабаровске было зарегистрировано в январе 1910 г. в Приморском областном по делам об обществах и союзах присутствии. Это общество имело официальное русское название “Хабаровское китайское общество взаимного вспомоществования”, отличавшееся от китайского — “Хабаровская Китайская Торговая Палата”, что было явным нарушением норм русского права.

Официальное признание хабаровского общества имело долгую предысторию. Несмотря на то, что в 1898 г. были ликвидированы китайские общественные управления, уже в 1900 г. военный губернатор Приморской области дал разрешение на избрание китайцами Хабаровска старо-

сты и представителей, а также дозволил сбор денег на содержание сыщиков и другие нужды [1, оп. 1, д. 1792, л. 36].

Вот как изложены дальнейшие события в постановлении схода хабаровских китайцев в 1909 г.: “Торговцы, проживающие на русской земле, в г. Хабаровске, в течение многих лет установили торговлю, построили дома. Живя здесь, мы подвергались огню и мечу, нападениям воров и разбойников, переноса страх в течение нескольких лет кряду. Поэтому мы, хабаровские торговцы, собрались на сход в 1901 году для решения вопроса о взаимной защите и признали за благо собрать посильное пожертвование для найма сыщиков и организовать общество взаимного вспомоществования для общего блага и общественного спокойствия, надеясь на единение и общее напряжение сил домовладельцев и купцов... мы сговаривались несколько раз и пришли к заключению учредить общество и избрать старшину, который управлял бы обществом. Тогда же был намечен срок открытия общества — 1901 год. В 1907 году мы просили генерал-губернатора препроводить ходатайства в русские министерства иностранных дел и торговли и промышленности о разрешении открыть в Хабаровске китайское торговое общество. Тогда же мы просили китайского консула во Владивостоке возбудить ходатайство перед китайским Министерством Земледелия, Труда и Промышленности о регистрации Хабаровской китайской палаты” [1, д. 190, л. 22-22об]. Таким образом, в течение всего периода вплоть до официального признания как китайскими (1909), так и русскими властями (1910) китайская община Хабаровска не только сохраняла самоуправление, но и нанимала китайских сыщиков для обеспечения порядка. В 1908 г. “посредником для выяснения перед начальством своих нужд” являлся избранный китайской общиной Ван Венсан. Китайцы считали его представителем китайского правительства и обращались в первую очередь к нему для решения спорных вопросов. Чистая случайность — отказ Ван Венсана от разбора конфликта между околочным надзирателем 3-го участка Петрухиным и письмоводителем Зайцевым, с одной стороны, и китайскими торговцами Ю. Пыйдзо и Ли Миншуо, с другой, — заставила последних обратиться с жалобой к губернатору Приморской области. Благодаря этому обращению губернатор узнал о существовании в Хабаровске представителя китайского правительства [1, оп. 1, д. 1792, л. 23].

Устав хабаровского торгового общества был схож с владивостокским. Однако китайский консул Гуй Фань, принимавший активное участие в подготовке к открытию хабаровской торговой палаты, оговорил особые условия, позволявшие ему контролировать деятельность общества. Согласно внесенным поправкам консул периодически направлял в Хабаровск своего помощника, который совместно с китайским обществом должен был решать все дела о защите китайского населения. (Нужно отметить, что понятие защиты прав китайского населения Гуй Фань понимал предельно широко, — так, в феврале 1907 г. он изменил решение русского судьи по исковому делу между китайцами [3, д. 809, л. 67]). После организации общества там, как и в других отделениях, избирались председатель, заместитель, почетные члены, а кроме того, для помощи вице-консулу, — член для поручений. Представление в министерство

земледелия, труда и торговли об утверждении последнего должно было подаваться через консула [1, д. 190, л. 23, 24]. Первым почетным членом, кандидатуру которого утвердило китайское министерство земледелия, труда и торговли, стал хабаровский голова И.И. Еремеев.

Нужно отметить, что владивостокское общество в отличие от хабаровского имело значительную автономию от китайских дипломатических представителей. При разногласии с китайским консулом общество самостоятельно отправляло доклады министерствам земледелия, труда и торговли или иностранных дел. Некоторое время на заседания общества, под предлогом, что такие посещения не предусмотрены “русским уставом”, не допускался китайский консул, бывший не в ладах с его руководителями”. По той же причине ему не представляли информацию об обсуждавшихся вопросах и принятых решениях [там же, л. 107].

Реализация дополнительных условий, оговоренных китайским консулом при открытии хабаровского торгового общества, была актом, знаменовавшим признание местной китайской общиной распространение действия китайской власти на русской территории.

Главным исполнительным органом хабаровского общества являлся комитет. Его председателем в 1911 г. был избран Сунь Гао, человек малограмотный, плохо знавший не только русский, но и китайский языки. По отзывам представителей русской администрации, он не пользовался авторитетом среди китайцев, относился к службе небрежно, проводил время главным образом в притонах Китайской слободки. Человек слабохарактерный, он находился под влиянием переводчика Чжао Ютана, который не вызывал симпатий русской администрации не столько из-за плохого знания русского языка, сколько из-за связей с революционными партиями в Китае [там же, л. 28].

Русская администрация имела неоднократные и бесспорные подтверждения, что китайские общества не только контролировались дипломатическими представителями Китая, но и имели связь с пограничными китайскими властями. И.А. Доброловский сообщал, что к нему в 1909 г. попал адресованный Иманскому китайскому обществу туюк окладных листов по сбору налогов и бланков для составления отчета о ходе русского и китайского заселения Иманского уезда [там же, л. 24об-25]. Есть и другие подтверждения этого.

Тем не менее русская администрация не осуществляла должного контроля за деятельностью китайских обществ, в результате чего нарушения ими уставов стали нормой. Так, владевший китайским языком русский секретарь владивостокского общества, вопреки уставу, не допускался на еженедельные заседания комитета. До 1911 г. хабаровское китайское торговое общество представляло русской администрации лишь отчеты об использовании финансов. Все связи с администрацией ограничивались выделением средств на содержание штатов полиции, включавших как русских городских, так и китайских сыщиков. В результате проверки, проведенной Доброловским, оказалось, что общество превышало свои полномочия. Хотя деловая документация и финансовая отчетность находились в безобразном состоянии, была найдена масса прошений на китайском языке о разборе гражданских дел между ки-

тайцами. По уставу общества (п. 20) комитет мог быть посредником в спорах, однако предполагалось обязательное нотариальное заверение о согласии обеих сторон с решением. Как отмечал Добролювский, не было найдено ни одной заверительной записки. Фактически комитет решал все поступавшие к нему дела, исполняя роль высшей судебной инстанции для китайцев. Чтобы русская администрация не узнала об этом, прошения не регистрировали. Разбор дел был постоянным источником дохода: с каждого участника спора взимали 2 рубля, за срочность такса увеличивалась [там же, л. 25-25об].

По уставу (п. 24) средства общества формировались за счет членских взносов, добровольных пожертвований, штрафов, процентов с капитала, доходов от недвижимости и случайных поступлений. Размер членских взносов зависел от коммерческого предприятия и варьировался от 15 руб. с предприятий 1 класса до 1 руб. — 5 класса (п. 25). Однако комитет обложил все китайское население налогом от 50 коп. до 17 руб. в месяц [там же, л. 25об-26]. Кроме членских взносов общество в 1911 г. установило особые сборы. Со всех китайцев, желавших открыть в Хабаровске торговое предприятие, взималось по 2 руб. на нужды общества. Купцы, не приписанные к местному обществу, занимавшиеся доставкой товаров, должны были платить 0,3% от суммы привезенного товара. За выдачу удостоверений (бао-дань) для получения в полиции паспорта с каждого китайца взимали по 25 коп., за помощь в трудоустройстве — по 2 руб. [там же, л. 26]. Обращают на себя внимания значительные суммы сборов, а ведь постоянным вопросом, возбуждавшимся китайским правительством и его дипломатическими представителями, был вопрос о снижении стоимости русских билетов для китайцев (5 руб. в год). Именно непосильностью этой суммы объясняла китайская сторона нежелание своих граждан выполнять русские законы, связанные с паспортным режимом.

Отделение торгового общества существовало и в Благовещенске (Хай-хе-шань-ву-цзунь-хуй), — правда, оно не было официально признано русскими властями. В организации благовещенского общества принимал активное участие китайский коммерческий агент Гуй Фань. В 1914 г. во главе этого общества стоял крупный коммерсант Чжан Ливей, имевший магазины в Благовещенске и Сахалине (Хэйхэ) [1, д. 479, л. 5]. К благовещенскому обществу примыкали в качестве отделов землячества уроженцев Шаньдуня и разных провинций (“пришедшие издалека”). Благовещенское общество открыло отделения в Зее, Пашкове, Иннокентьевской, Джалинде.

Как следует из доклада, подготовленного сотрудниками канцелярии приамурского генерал-губернатора Щербаковым и Ульяницким, командированными в Амурскую область для обследования “желтого вопроса” (1914), русская администрация не знала о существовании этого общества [там же, л. 4об]. Однако незнание обрело странные формы, т. к. было известно, что канцелярия этого “тайного” общества располагалась по ул. Офицерской, д. 53, а заметки о выборах председателя печатали местные русские газеты.

По свидетельству председателя общества Чжан Ливей, “китайское

население неоднократно подымало вопрос о легализации общества”, но областная администрация отнеслась к решению этого вопроса отрицательно [там же, л. 50б].

Как и в других городах, китайское население Благовещенска было разделено на категории. В зависимости от имущественного положения члены общества вносили взносы в размере от 5 руб. до 50 коп. На эти деньги общество содержало 4 китайских и 5 русских городских, амбулаторию, а также совместно с Шаньдунским землячеством — богадельню в Сахаляне. Не оставались без внимания члены общества и события во внутреннем Китае: проводились сборы в пользу населения Шаньдунской провинции, пострадавшего от наводнения и военных действий японцев.

Деятельность общества была связана в первую очередь с обеспечением коммерческих интересов китайского населения, однако оно брало на себя и функции, не предусмотренные уставом: как и в других городах, разбирало судебные дела между китайцами. Приграничное положение Благовещенска обусловило тесные связи не только с центральными административными органами (ежегодные отчеты в китайское министерство торговли об экономическом положении российской окраины), но и с сахалинским и айгуньским уездными начальниками. Безусловно, китайцы отдавали приоритет властным полномочиям торгового общества, а не русским властям, чему нередко способствовали и действия русской администрации. Так, стало известно, что на имя айгуньского уездного начальника от китайского торгового общества Благовещенска поступила просьба ходатайствовать перед русскими властями о выдаче Пэн Хуйчуна, Мэнь Дунчу, Лю Цзынына, обвинявшихся в том, что они сообщили русскому адвокату Андрееву о поборах китайского общества в пользу русской администрации. С каждого безбилетного китайца взималось по 1 руб., было собрано почти 1500 руб. Пограничный комиссар Амурской области Спешнев запретил выдавать этих китайцев, отметив, что “самовольное обращение китайских подданных, проживающих на русской территории, от имени китайского общества к айгуньскому уездному начальнику является нарушением духа трактатов” [там же, л. 60б-7]. Однако как только Спешнев уехал в Хабаровск, просьба о выдаче повторилась, и трех китайцев, обратившихся к русской власти, выслали из России, подняв тем самым авторитет торгового общества в глазах китайцев.

3 мая 1914 г. приамурский генерал-губернатор издал распоряжение усилить надзор за деятельностью китайских обществ взаимного вспомоществования [1, д. 190, л. 98об]. Однако это было нелегким делом, т.к. внешний надзор давал неудовлетворительные результаты. Для решения проблемы военный губернатор Приморской области предлагал ввести в состав комитетов или других исполнительных органов, на правах полноправных членов, лиц, назначенных областной администрацией, состоящих на государственной службе и знакомых с китайским языком и письменностью.

Таким образом, китайские торговые общества, как легализованные (Владивосток, Хабаровск, Никольск-Уссурийский), так и существовав-

шие неофициально, возникшие во всех относительно крупных населенных пунктах края, были не столько благотворительными организациями, как это следовало из русского названия, сколько органами, выполнявшими для проживавших здесь китайцев административно-управленческие и судебные функции. Возможно, с этим был связан конфликт владивостокского китайского торгового общества с консулом, претендовавшим на ту же роль. Несмотря на попытки местной русской администрации ликвидировать замкнутость и обособленность китайского населения, для чего были упразднены китайские общественные управления, ею же в 1907 г. официально признаются китайские торговые общества, являвшиеся официальными учреждениями Китая, находившиеся под контролем как китайских дипломатических чинов в Приамурье, так и властей в Китае. Такая противоречивая позиция может быть объяснена отсутствием четкой, детально разработанной позиции по китайскому вопросу, а также слабым знанием реалий китайской действительности местной русской администрацией.

1. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3.

2. Соловьев Ф. В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861-1917). М., 1989.

3. АВПРИ. Ф. "Тихоокеанский стол". Оп. 487.

PIONEERING THE WILDERNESS: THE GERMAN ENTERPRISE KUNST & ALBERS IN THE RUSSIAN FAR EAST (1864-1924)

M.A. Stolberg, Bonn

Throughout its existence of sixty years in the Russian Far East (1864-1924), the German company of Kunst & Albers (K & A) had left a strong impact on the region's history. Numerous was its mention in Russian and foreign travelogues and newspapers, revealing the increasing economic vigor of the company, but also its involvement in Russia's Far Eastern policy¹. The director of K & A, Adolph Dattan, published in 1897 a highly reputed monograph on the trade perspectives of the Amur region in the framework of the Pacific commerce. Due to his good contacts to local and central Russian authorities, among them for e.g. the ministry for trade and commerce, Dattan proposed the establishment of a free-trade zone along the Amur River in order to facilitate commerce with nearby China². Against the background of industrialization (construction of the Transsiberian Railway, taking up of the steamship traffic on the Amur) and the increasing meaning of globalization, the Russian government began to realize that Russia's future would lay in the Far East. To realize this vision, central and especially regional authorities encouraged the settlement of foreign entrepreneurship in the Russian Far East, because Russian Far Easterners (with the rare exception of the Churin